

Умберто Эко

Внутренние

рецензии

Автор не указан.

«Библия»

Начну с того, что при работе с этой рукописью первые сто страниц произвели на меня самое выгодное впечатление. Текст читается легко, он динамичен и замешен на самом первоклассном сырье по-настоящему крепкой «развлекаловки». Есть и секс (хорошо, что много секса), есть и адюльтер, есть и однополая любовь, и убийства-инцесты-войны-геноциды, в общем, обычный джентльменский набор.

Раблезианский эпизод, разворачивающийся в Содоме (или в Гоморре, но это значения не имеет), когда компания извращенцев пробует оприходовать двух ангелов, сам по себе мог бы «вытянуть» книгу. «Сага» о событиях жизни Ноя возрождает в памяти «Библиотеку приключений», а бегство из Египта – почти готовый кинороман. Получилась добротная эпопея, ладно скроенная, полная запоминающихся эпизодов, с примесью фантастики, однако в тактичной форме, без пережима. Добавлю, что даже апокалипсическая нотка, как ни странно, не режет слух.

И все же, увы, нельзя не заметить основной недостаток этого суперклассного боевика. Этот недостаток – эклектичность. Я рискну даже предположить, что перед нами, по сути, не цельная авторская индивидуальность, а надерганный из множества мест набор разномастных цитат. Неестественное соседство: тут вам и рифмовка ни к селу ни к городу (похоже, в текст вмонтированы какие-то

песни), тут и нудные слезоточивые иеремиады, нагоняющие сон.

Из вышесказанного понятно, что предложенное к изданию произведение – это какая-то сборная солянка, рассчитанная на то, чтоб понравиться всем... Именно поэтому она не понравится никому! И вдобавок проблема прав, как всегда в таких случаях, выродится в сущий кошмар. Кто будет договариваться со всеми авторами? Единственное спасение – если бы составитель выступил единолично от имени коллектива. Да, но имя составителя почему-то не фигурирует ни в оглавлении, ни на титульном листе!

Я думаю, небесмысленно было бы прощупать перспективу публикации пяти (не более!) (допустим, пяти первых) книг отдельным выпуском. Шансы на успех значительно возросли бы. Рабочее заглавие – «Это было у Красного моря».

Гомер. «Одиссея»

Должен сразу сказать, что мне книга понравилась. Сюжет ее занимателен, свеж, исполнен выдумки. Привлекает любовная линия, к тому же супружеские отношения показываются как в благополучном, так и в проблематичном раскладе, чем достигается приятный контраст. Выпукла фигура «фам фаталь» Калипсо. Есть в книге и новоявленная «лолита» Навзикая. Скупыми, немногословными средствами передается очень многое: я уверен, что читатель не раз испытает моменты возбуждения при чтении некоторых описаний.

Действуют на воображение и разные одноглазые гиганты, и каннибалы, умело и уверенно разбросанные здесь и там. Прямая тема – наркотики – намечена и прорисована настолько тактично, что правоохранительным органам, я убежден, придраться будет не к чему, благо что, если не ошибаюсь, лотос в черном списке нарковеществ не числится.

Чем ближе к развязке, тем ощутимее пульсируют в повествовательной ткани самые плодотворные традиции американского вестерна. Ритмично, уверенно распределяются между действующими лицами тычки и оплеухи, а когда вспыхивает беспорядочная стрельба из лука, саспенс достигает подлинного накала.

К чему оспаривать очевидное? Эта проза читается на одном дыхании, и по сравнению с собственной ранней малоудачной книгой автор безусловно расписался, нет уже следа от давешней несмелой привязанности к единому месту... Как помним, в предыдущем его сочинении, «Илиада», на третьей рукопашной и на

двенадцатом единоборстве у читателя мутилось в голове от параноидальных повторов!

Добавим, с другой стороны, что в том первом, незрелом опыте были выведены неразлучники Ахилл и Патрокл, чья двусмысленная (я сказал бы даже, недвусмысленная) «дружба» вызвала моральный протест общественности в некоторых провинциальных городах.

Но вторая книга, хвала небесам, подобных подвохов не содержит. В ней все ружья стреляют, хотя тон в общем и целом спокоен, задумчив, скажу даже – вдумчив. Наконец-то автор понял истинную цену монтажа, флэшбеков, вставных новелл и немало поработал над своей творческой манерой.

В результате, можно сказать уверенно, Гомер вырос в мастера высшего пилотажа, по самому настоящему гамбургскому счету. Но, как ни парадоксально, именно этот высочайший класс его работы вызывает подозрения, о которых нелишне заявить уже теперь.

Почему мы обязаны в случае Гомера заведомо принимать его точку зрения? По-моему, намечаемая публикация в смысле издательской политики крайне безусловна. Так думаю не только я, но, замечу в скобках, и суждение Эрика Линдера довольно скептически. В частном разговоре Эрик Линдер сообщил мне некоторые сведения и дал понять, что ничего хорошего из нашей задумки не выйдет.

Начнем с технических трудностей. Умеем ли мы работать с подобными авторами? Знающие люди говорят, что он страдает серьезным заболеванием (думаю, что-то с глазами) и не ориентируется в собственных рукописях, хуже того – ориентируется в них по памяти, и вдобавок все, что он воспроизводит наизусть, звучит каждый раз

по-разному. То он говорит, что его текст исказили при переписывании. То – что туда вставили куски, к которым он не имеет отношения. Да полно, он ли в самом деле является подлинным автором книги? Не псевдоним ли этот Гомер?

Но даже и этот аспект для нас не определяющ. С тех пор как редактирование стало ремеслом, многие книги вообще выпекаются в редакции или там в четыре и более рук (братья Гонкуры и проч.). Они-то, как правило, и выходят в списки самых продаваемых.

Однако в нашей специфической ситуации, повторяю, чересчур много неясного. Как браться за такое дело, не договорившись с праводержателем? А между тем Линдер говорит, что неизвестно, кому принадлежит авторство, но явно не одному Гомеру, и что какие-то золийские аэды могут потребовать проценты с определенных глав.

И это не все. Одно хиосское литературное агентство претендует на роялти для своих местных рапсонов, утверждая, что они выступали в качестве «негров», но договор как будто не был подписан и профсоюз литераторов молчит. В Смирне есть другое агентство, которое требует, чтобы весь гонорар выплачивался Гомеру, но тот якобы уже усоп без наследников, и поэтому денежки должны отойти в казну его родного города. Но и в качестве родного города, кроме Смирны, выступают еще несколько. Поскольку отсутствуют сведения, действительно ли умер автор, и если да, то в каком году, здесь неприменима Конвенция 1943 года об истечении срока праводержания через пятьдесят лет после смерти автора.

Но и это еще не все. Может быть, копирайт принадлежит некоему Каллину. Но он настаивает, чтобы вместе с «Одиссеей» мы выкупили у него еще и «Фиваиду», «Эпигонов» и «Киприи», а все эти вещи мало того что слабоваты, но даже и не доказано, действительно ли их сочинил Гомер.

Да хоть бы даже и так... В какую серию поставить книгу? Кто напишет предисловие? Аристарх Самофракийский? Серьезное имя, крупная должность, и вдобавок он знает материал и работает прекрасно. Казалось бы, такой человек поможет распутать наши трудности... Но лучше бы я к нему не обращался! Он возжелал ни более ни менее как разобрать текст по отрывкам и проверить их на подлинность. Это уже текстология. В общем, я понял, что он клонит к научному изданию. Я не против, но с мечтой о приличном тираже приходится распрощаться. Тогда уж лучше с самого начала переслать рукопись в «Науку», там она пролежит сто лет и выйдет потом по сто долларов за книгу, если, дай бог, спонсирует какой-нибудь банк.

Еще раз повторяю: нельзя ввязываться в историю, чреватую юридическими последствиями. Затаскают по судам, конфискуют тираж, причем это будет не порнографическая конфискация, которая помогает продавать из-под полы, нет, это будет унылая конфискация в полном и заурядном смысле слова. Может быть, через десять лет права перекупит какая-нибудь акула печатного дела, но до тех пор мы останемся с одними затратами и безо всяких доходов.

Мне это очень огорчительно, потому что написана книга хорошо. Но зачем нам такая куча неприятностей? Лучше отклонить.

Алигьери Данте. «Божественная Комедия»

Работа Алигьери, типично дилетантская (член корпорации фармацевтов, Алигьери предается своему хобби – писательству – в свободное от работы время), тем не менее технична и обнаруживает несомненную творческую жилку. Оригинальная деталь: с начала до конца книга написана на флорентийском вульгарном диалекте. Работа состоит из ста разделов – «кантик», с рифмовкой строк по три. Многие места работы читаются с неподдельным интересом. Так, в частности, подкупают описания астрономических феноменов и некоторые сжатые, но весомые мысли богословского характера.

Самой легко читаемой, популярной является третья часть труда, благодаря тому что тема ее общедоступна и соответствует наиболее распространенным читательским запросам: Спасение, Божественное Видение, Моления Пречистой Девы. На фоне этого занимательного финала тем более сбивчиво и неорганично смотрится начальная треть книги, с ее неуклюжими метаниями от тяжеловесного секса к натуралистическим описаниям страданий и к скабрёзностям самого скверного пошиба.

Жаль, потому что из-за этой первой книги во многом портится общий настрой. Нужно действительно очень сильно хотеть дойти до сути, чтобы продираться через эту сумрачную фантастику, дремучую, как непроходимый лес. Добавим, что большинство идей автора уже неоднократно муссировалось в публикациях на темы о

потустороннем мире и в элементарнейших трактатах о природе греха. Да что там далеко ходить, возьмите хоть бы «Золотую легенду» Иакова Ворагинского.

Но и это не худшее в данной заявке. Проблематичнее принципиальная установка (навеянная авангардистской модой) на диалект, бытующий в центральном районе Тосканы. Никто не спорит, что немалые выразительные резервы, таящиеся в разговорной речи и в арго, должно и нужно реализовывать. В этом направлении работают все, а не только авангардистские группки. Но при условии разумной осторожности! Иначе повторится печальной памяти история с «сицилийской лирикой», которая кончилась тем, что издатель на велосипеде объезжал уличные киоски, пытаясь пристроить тираж.

Еще одно важное соображение. Стоит раздуть до такой степени книгу на тосканском диалекте, и к нам хлынут на публикацию творения диалектальных авторов из Феррары, Фриули и т. д. Вообще-то не мешает провести маркетинг рынка, возможно, такой подход имеет перспективы. Но все же для подобных точечных проб оптимальны мелкие вещицы модернистского пошиба, а никак не рецензируемый нами литературный динозавр.

Лично я не против рифмы, но не забываю, что большинство публики предпочитало, предпочитает и будет предпочитать нерифмованный верлибр. Так по силам ли нормальному человеку одолеть гору старомодных терцин, да еще на флорентийском диалекте, притом что есть читатели, рожденные, скажем, в Риме или в Милане?

Невредно, думается, было бы разработать проект недорогой региональной серии для широкого читателя. Начать с «Мозельской области» Децима Магна Авзония или с «Песни моденских караульщиков». Изыски наподобие «Капуанской хартии» (sao ko kelle terre и проч. и проч.) предоставим авангардным издательствам (нумерованные экземпляры и проч. и проч.).

Тассо Торквато. «Освобожденный Иерусалим»

Перед нами качественное литературное изделие, относящееся к жанру рыцарского романа, пересказанного в современном духе. Добротное письмо; много новаторского в сюжете; автор ощущает, что настало время отойти от выхолощенных бретонско-каролингских штампов.

Однако оценим все «за» и «против». Описываемые автором события достаточно сложны для восприятия. Само по себе название, как мы понимаем, неоднозначно; вдобавок на первом плане в этом сочинении находятся крестовые походы, что подводит нас к мысли о крестном ходе. Но на какой успех и у какого контингента может уповать глубоко религиозная вещь – рассчитать трудно. Конечно, мы сможем опереться на отделы критики в журналах «Христианское семейство» и «Семья и школа». Но тут возникает новая сложность: уместны ли в книге для семейного чтения нескромные, можно даже сказать, фривольные эпизоды, разбросанные там и сям?

Как бы то ни было, я скорее «за», но при условии, чтобы автор вернулся к тексту и довел его до состояния, приемлемого для всех, вплоть до служителей культа. Я имел собеседование с автором, и он дал мне понять, что не исключает возможности подобной переработки.

Дидро Дени. «Нескромные сокровища», «Монахиня»

Признаюсь, я не вчитывался ни в одну из двух присланных мне рукописей. Да, признаюсь в этом, но добавлю: профессионалу сразу видно, что ему следует читать, а на что обидно тратить время. Имя автора – Дидро – мне знакомо, я даже припоминаю: он работает в энциклопедии и к нему на корректуру посылались, в частности, наши книги. Сейчас он носится с каким-то многотомным прожектом, который, полагаю, не будет реализован до скончания веков. Он сажает художников вырисовывать часовые шестеренки и ковровые переплетения и очень скоро, не сомневаюсь, пустит по миру своего издателя. Короче, это смертельный зануда, и тем более невероятно, чтобы в области фикшн он был способен породить что бы то ни было съедобное. Такой тип абсолютно неприменим для нашей серии, в которой прижились достаточно щекотливые вещицы вроде Ретифа де Ла Бретонна.

Сад Д. А. Франсуа. «Жюстина»

Рукопись пришла ко мне в тот момент, когда я был очень загружен, и, честно говоря, пришлось ознакомиться с ней выборочно.

Раскрываешь в первый раз – многостраничная натурфилософия с отступлениями на тысячу разных тем. О жестокости борьбы за существование; о воспроизводстве растений, о чередовании видов в животном мире. На второй раз мне попало страниц пятнадцать о сущности наслаждения, о чувственном и воображаемом и так далее в подобном духе. В третий раз – два десятка листов о принципе подчинения во взаимоотношениях полов в разных странах земного шара... По-моему, достаточно. Научными публикациями мы не занимаемся. Публике в наше время нужен только секс, секс и еще раз секс, и чем разнообразнее, тем лучше. От добра добра не ищут. Мы нашли свой путь, издав «Любовные похождения кавалера де Фоблаза». Философические сочинения пересылайте в «Науку».

Сервантес Мигель. «Дон Кихот»

Книга, крайне неровная и местами труднопроходимая, описывает жизненные странствия одного испанского гранда в сопровождении слуги, их скитания в погоне за фантазмагорическими иллюзиями. У гранда-героя, как я понял, наблюдается какое-то умственное расстройство. Это легко ощутить, потому что образ получился очень объемным, живым; Сервантес, надо сказать, одаренный рассказчик. Слуга героя – простачок, не лишенный природного здравомыслия; естественно, читатель легко себя с ним отождествляет, тем более что сумасшествие главного героя не может не отталкивать. Вот, в сущности, и весь сюжет. Рассказан он достаточно интересно, имеются неожиданные повороты действия и сочные, любопытные детали.

Это все так; однако позволю себе выйти за пределы субъективной симпатии и высказать ряд общих соображений.

У нас есть удавшаяся серия «Непридуманные повести». В ней мы опубликовали, и, как известно, с немалым успехом, и «Амадиса Галльского», и «Легенду о Граале», и «Роман о Тристане», и «Лэ о соловье», и «Роман о Трое», и «Эрек и Эниду». Сейчас получен опцион на «Королевский род Франции» одного начинающего, Ди Барберино. Эта книга, по моему убеждению, станет бестселлером, и спорю на что хотите, что она потянет на премию «Книга года», потому что именно подобный род чтения пользуется успехом в народе.

Теперь рассмотрим под этим углом рукопись Сервантеса. Типичная профанация нашей же собственной издательской линии! В свете этого романа все, что мы публиковали до сих пор, – безответственные бредни. Получится, что мы выпороли сами себя. Никакая свобода печати и никакая полифония не могут служить оправданием такого профессионального харакири.

И ради чего, ради кого, в сущности? Автора только недавно выпустили из мест заключения, похоже, он пребывает не в самой лучшей форме, что-то там ему отрезали – не то руку, не то ногу,

– в любом случае работать над продолжением он не собирается, так что массовыми тиражами тут не пахнет. Думаю, нам с вами нет никакого смысла бежать впереди прогресса, разрушая результаты многолетней работы, приносившей нам удовлетворение, в том числе и моральное (скажу без ложной скромности), а также соответствующий доход. Заявку предлагаю отклонить.

Мандзони Алессандро. «Обрученные»

Романы-эпопеи всегда продавались прекрасно, а в последнее время, как нам сообщают, тиражи объемных вещей достигли апогея. И все-таки роман роману рознь. Купи мы в должное время копирайты на «Обитель Треццо» Баццони и на «Маргариту Пустерла» Канту – сейчас не надо было бы задумываться, из чего формировать карманную серию. Вот действительно книги, которые читались, читаются и будут читаться еще через двести лет, потому что они обращены в самую душу читателя, потому что язык их прост и убедителен, потому что всего дороже для авторов их малая родина, а это всегда подкупает людей, наконец, потому, что в этих книгах говорится о современности, пусть проблемной, пусть драматичной, но близкой и понятной нам (феодалы, распри, классовый антагонизм).

Все это не касается Мандзони. Начнем с того, что он располагает свой сюжет в антураже семнадцатого столетия, а этот период – по определению самый некассовый. Вдобавок он идет на сомнительный лингвостилистический эксперимент и разрабатывает собственный язык – ни рыба ни мясо, нечто вроде помеси флорентийского с миланским. Будет жаль, если молодежь начнет подражать этому воляпюку.

Но и это еще не главный грех. Итак, наш сочинитель предлагает некий квазинародный, сыромятный роман о паре крестьян, которым никак не удается пожениться из-за козней какого-то местного помещика. Потом они

все-таки женятся и наступает хэппи энд. Не маловато ли для шестисот-то страниц?

На этом фоне сплошь и рядом мы сталкиваемся с моралистическими проповедями (беспорядочная словесная «мазня» – не более того) и с дешевым пессимизмом (автор выдает его за янсенизм, может, это и так, не знаю). Заунывные пассажи о человеческих слабостях и о национальных недостатках уготованы нашему читателю, в то время как он ждет героических тем, пламенного энтузиазма в духе Мадзини, в духе Кавура, и никак уж не софизмов о «нации рабов», которые я оставил бы господину Ламартину! Интеллектуалистские штучки, усложнения на каждом шагу никогда не помогали книгопродаже и скорее пристали заграничным мечтателям, нежели потомкам доблестных латинян. Обратимся к «Антологии» за несколько последних лет и увидим, как Романьози на двух страницах буквально разгромил детский лепет того самого Гегеля, которого сейчас в Германии считают номером первым. Нашей публике нужно совсем не это. Нет, ей не нужно, чтобы рассказ перебивался сплошь и рядом какими-то отступлениями, содержащими грошовой философствованье автора. Либо – еще того хуже – чтобы текст составлялся путем сляпывания чужеродных кусков: несколько подлинных манифестов семнадцатого века – ученый диалог на полулатыни – псевдонародные тирады, напоминающие речи шута Бертольдо. Народ нуждается в положительном герое. Я только что прочел свежую, запоминающуюся книгу «Никколо де Лапи». После этого «Обрученные» я вымучивал с натугой. Уже по первой странице видно, как неумело автор подступает к рассказу, не зная, с чего начать, за что ухватиться. Не случайно он топчется на бесконечном описании какого-то

случайного пейзажа, путается в лабиринтоподобном дремучем синтаксисе, сбивает читателя с панталыку, вместо того чтобы спокойно начать как-нибудь в духе «Однажды утром в окрестностях города Лекко...». Да бог с ним. Не каждый рождается рассказчиком, и не каждому удастся овладеть литературным итальянским языком.

С другой стороны, какие-то плюсы в этой книге тоже есть. Но этого недостаточно, чтобы распродался даже и первый завод.

Пруст Марсель. «В поисках утраченного времени»

Бесспорно, перед нами любопытная идея. Текст очень длинный, можно сделать достаточно много выпусков для карманной серии.

Тем не менее учтем, что придется перередактировать почти все, по крайней мере всю пунктуацию. Текст не разбит на абзацы, и автор даже не ставил точек между предложениями (там есть фразы длиной по две страницы). Если он сам не захочет дорабатывать, не знаю, кто это будет делать за него. Но без этого книга не состоится.

Кант Иммануил. «Критика чистого разума»

Я дал книгу Витторио Сальтини и получил отзыв, что этот Кант сильно преувеличен. И все же я не поленился и посмотрел сам. В нашу философскую подборку такая небольшая книжечка на моральную тему все-таки может сгодиться, не исключено, что ее порекомендуют студентам в каком-либо университете. Но останавливает то, что немецкое издательство заставляет нас купить вместе с ней и предыдущую книгу, а это два здоровеннейших тома, и еще хуже – ту, которую Кант пишет, хотя еще не написал. Не то об искусстве, не то о суждении, я не запомнил; все эти книги называются почти одинаково. Значит, их придется реализовывать в наборе, в одном футляре. А это большинству покупателей не по деньгам. Если же этого не сделать, народ начнет путать одну с другой и говорить «эту я уже читал».

В общем, может кончиться, как с той громаднейшей «Суммой» какого-то доминиканца, которую мы начали переводить, а потом переуступили «Концерну издателей», потому что выходило дорого.

Чтобы нас добить, немецкое литагентство заявило, что надо бы нам подписаться и на приобретение малых произведений Канта, но число их бесконечно, а тематика включает в себя даже астрономию. Позавчера я позвонил напрямую автору в Кёнигсберг, чтобы договориться об отдельном издании «Разума». Но его не застал, а

домработница сказала, что от пяти до шести звонить не принято, потому что люди прогуливаются, а от трех до четырех звонить не принято, потому что люди спят. В общем, я понял, что с этими любителями порядка лучше не связываться – себе дороже.

Кафка Франц. «Процесс»

Очень даже неплохая книжка, детектив немножко с хичкоковским уклоном. Хорошее убийство в финале. В общем, книга найдет своего читателя.

Но такое впечатление, будто над автором тяготела какая-то цензура. Зачем непонятные намеки, почему бы не назвать своими именами и героев, и место действия? И по какой все-таки причине имеет место этот «процесс»? Основательно прояснить темные места, конкретизировать описания, приводить факты, факты и еще раз факты. Выявятся пружины происходящего, усилится саспенс.

Молодые писатели считают, что шикарнее писать «один человек» вместо «господин такой-то в таком-то месте и в такой-то час», и воображают, будто это поэтично. Ну ладно. Если поддается доработке – доработаем, в противном случае отклоняем.

Джойс Джеймс. «Поминки по Финнегану»

Прошу редакцию быть повнимательнее с тем, что вы засылаете на отзыв. Будучи консультантом по англоязычной литературе, не понимаю, почему мне направили рукопись черт знает на каком языке. Возвращаю рукопись в отдельном пакете.

1972